

26 МАР 1974

„КОМСОМОЛЕТ“
г. Челябинск

Ромашенко Александр

ОДНУ дверь открываешь, как газету: любопытно, что там внутри интересно?

Дверную ручку другой тянешь на себя, как тетиву лука, пребывая в великом душевном смятении: попадешь ли в круг избранных или промахнешься? Это когда за ней ожидает тебя приемная комиссия.

...Войдя в зал, он сумел разглядеть только общую цветовую гамму: зелень скатерти бильярдного сукна, яркие шапки букетов и седины маститых педагогов меж ними.

Потом начали «пропечатываться» и лица. Были они строгими и, как ему показалось, невнимательными.

И тогда он прокричал храбрым от страха глослом:

— Ромашенко!

Подумал и добавил уже тише:

— Александр.

— Слушаем вас, — мягко отозвался кто-то из маститых.

Раз слушали — значит, можно было начинать. Для разгона он прочитал «Случай на Хитровом рынке» Вересаева. Потом дошла очередь до сцены дуэли из «Евгения Онегина».

Все, вроде бы, шло гладко, но на том месте, где

...Его уж нет. Младой певец

Нашел безвременный конец! —

ему вдруг представилось бесславное возвращение домой, стало остро жаль Ленского, себя, так что слезы побежали из глаз...

В Новосибирское театральное училище Александр Ромашенко приехал из Барнаула. Он оказался на театральных подмостках первым в роду, чем этот род поначалу изрядно удивил. Была у него с детства мечта о крепкой земной специальности, надежной профессии, добротной и романтической — судостроитель. А тут на тебе — театр!

Поступил в училище. Понравился педагогам своей тонкостью и звонкостью, да и ненарочитые слезы, выпавшие при чтении Пушкинского отрывка, «легли на текст», как говорят в театре, пришлось к месту, и мэтры одобрительно покивали головами.

На этом сладкая атмосфера славы поступившего улетучилась.

..Ах, если бы театр покоился только на жесте, только на движении! Тут он был в своей тарелке. На пластических этюдах Саша выделывал кульбиты и сальто-мортале, как заправский дублер на трюковых съемках.

Но речи!

«Талант — это вол», — мрачно запишет в своем дневнике французский писатель Жюль Ренар, автор знаменитого «Рыжи-

ИМЕНА НА ТЕАТРАЛЬНОЙ АФИШЕ

СОТВОРИ СЕБЯ

ка», признанный мастер изящной словесности XIX века.

Как всякая правда — эти слова звучали грубовато, но по существу.

Лидеры курса солидно заговаривали в курилке о психологии Достоевского, жарко спорили о царе Федоре Иоанновиче. А для него: «на дворе — трава, на траве — дрова, на дворе...».

Утром — на голодный желудок, вечером — вмести снотворного.

В итоге педагоги сказали, что как выпускник театрального училища он состоялся. Что касается актерской судьбы — покажет время и труд.

Молодого актера Челябинский театр юного зрителя встретил доброжелательно. В репертуарной тени прохлаждаться не пришлось. Были роли незаметные и для зрителей, и для него, но есть и такие, подобные добрым приятелям, к которым на первых порах знакомства с пристрастием приглядываешься, потом искренне радуешься каждой встрече, потом немного тяготишься, если эти встречи становятся частыми, но в долгой разлуке с которыми откровенно скучаешь.

В спектакле «Гроза» по пьесе А. Н. Островского он сыграл роль Кулигина.

Образ, созданный актером без скупости на яркие детали, мимо внимания любителей драматургии Островского не прошел. А ведь было время, когда в репетиционные дни «Грозы» за кулисами блуждало нечто отдаленно напоминающее обычно веселого Сашу.

Роль ни шла, ни ехала. Вялость присутствовала в голосе, в походке, в мыслях. Он болел ролью, как гриппом. Осложнения могли быть самыми печальными и носили бы диагноз «творческая неудача».

«Собаку сомнений гони плетью работы», —

пятьсот лет назад эти строки вышил на пергаменте вязью арабских букв мудрый восточный старец. Афоризм был по-азиатски цветист, но опять же правдив.

«На дворе — трава, на траве — дрова...».

Каждый день!

Будь ты Качалов или начинающий.

Будь то слово, жест или искомая мысль.

Так было и с Кулигиным.

Так было и в дальнейшей работе.

Спектакль «Конек-горбунок» стал семейным праздником челябинской театральной жизни. Озорной, исполненный в традициях народного раешника, с карусельной сменой ритмов, накрученный на пружину музыки и танца, он определил целый ансамбль хороших исполнителей, сумевших удивить и обрадовать зрителя неожиданными сторонами своего дарования.

И в этом спектакле Александр Ромашенко в роли первого шута был одним из лучших среди равных. Испокон веков солидность роли в спектакле определяется количеством текста исполнителя. Другое дело качество текста. Но и того, и другого актер в данном случае не имел. Однако в его трактовке роль вышла за рамки эпизода, переросла свою второстепенность.

Бойкий, умный, ироничный и очень милый шут.

на первых репетициях режиссер-постановщик, четко очертив силуэт образа, смело отдал его на дорисовку фантазией самому актеру. Самостоятельность и ответственность. Как часто и уныло нянькаются с нами, великовозрастными, подменяя наши желания, наши стремления своими.

Отчего это происходит?

От неуверенности в силе идущих на смелую? От чувства превосходства в жизненном опыте? Отчего?

И вот день премьеры... Шумный успех у человек и бантиков в зале.

«Дождь лил, как из ведра», «Трень-брень», «Женитьба»...

— Больше всего я боюсь успеха, — говорит он сейчас, после нескольких лет работы на профессиональной сцене.

Знающие его характер — в словесной похле Александр не упрекнул.

Он не поверил ни друзьям, ни рецензентам, когда те дружно похвалили его за роль Кулигина.

Справедливости ради отметим, что в данном случае актер, к счастью, неправ, успех его был, действительно, честным, заслуженным.

Боюсь серьеза. Боюсь, что эти заметки сочтут за постамент для актера, наспах сколоченный из дифирамбов и комплиментов в его адрес. Творческое лето для него только начинается.

Есть великолепные строки у Николая Ушакова:

Мир незакончен и неточен, —

Поставь его на пьедестал

И надавай ему пощечин,

Чтоб он из глины мыслью стал.

В этом смысле мы за то, чтобы ставить себя на такие пьедесталы.

...Актер ТЮЗа Саша Ромашенко. Парень с веселыми глазами скомороха и упрямостью в поисках самого себя.

Е. КАЛЕДИНА.
Фото Э. Землянского.